Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 31, Is. 3, pp. 123–130, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-31-3-123-130
Journal homepage: http://kigiran.com/pubs/vestnik

UDC 811. 351

Ergative Languages of Dagestan: Role of Word Order in Identification of Subject

Zulaykhat M. Mallaeva[1], Marzhanat N. Kuraeva[2], Rashidat Sh. Khalidova[3]

[1] Ph.D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Professor, Chief Research Associate, Tsadasa Institute of Language, Literature and Arts, Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russian Federation). E-mail: logika55@mail.ru

[2] Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Associate Professor, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation). E-mail: mkruaeva@mail.ru

[3] Ph.D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Professor, Head of Department of Theory and Method for Russian Language and Literature Teaching, Dagestan State Pedagogical University (Makhachkala, Russian Federation). E-mail: rashi-dr@mail.ru

Abstract. The article introduces an attempt to establish suitable principles of defining subject as one of the main parts of sentence for ergative languages of Dagestan.

The problems of syntactic division of sentence and peculiarities of its members in Dagestani languages are still examined only in general. Even the question of the number of principal sentence members is still under discussion. Only semantic or pure formal features are traditionally used as the criteria for distinguishing between sentence members. Within Dagestani languages studies there are no special researches devoted to this question.

To distinguish the predicative of sentence the authors suggest using three levels of the language: syntactical, semantic and pragmatic ones. However, the article gives priority to syntactical features as members of the sentence are syntactical category, and their specifics should be found in peculiarities of combination of words while forming a sentence. Formal criteria are also very important, but apart from morphology, syntax is interested not in forms of words separately but in their combination with each other.

In some sentence constructions it is exactly the word order that is the only criteria of the subject as a principle member of sentence.

Subject as syntactic element is characterized by definite relationships with other parts of sentence; therefore word order is suggested to be the first identified feature of subject which holds the first left position in a sentence.

In every language there are some means which express syntactical connections between words within a sentence, which help 'recognize' members of sentence. These are morphological (structural), semantic and syntactical means. In ergative languages these means play different roles for different structures of sentence.

For absolute sentence constructions, morphological means of expressing connections between words in a sentence are rather important. Correlation is a morphological means of connection, as it is used through forms of words.

For ergative sentence constructions, semantic means of expressing syntactical connections are also very important. In this case, the semantic factor is the key one in defining members of sentence.

Subject in this case is defined by means of comparison of semantic contents of the sentence (only its meaning), as functional homonymy of ergative and absolutive cases prevents distinguishing between subject and object of sentence.

As for ergativoid (bi-absolutive) constructions, their criterion is a pure syntactical means of expressing syntactical connections, i.e. the word order.

For other types of constructions word order is not the main criteria for distinguishing members of sentence, however, any change of word order influences the meaning of the sentence. In ergative and absolutive constructions syntactical connections and functions of certain words during the change of word order, in contrast to ergativoid construction, do not change but the sentence as a whole obtains a rather new shade of meaning. Thus, the word order in Dagestani ergative languages plays a very important role for the structure and contents of sentence.

Keywords: sentence structure, word order, ergative languages, nominative languages.

В индоевропеистике принято выделять главные (подлежащее и сказуемое) и второстепенные (определение, обстоятельство и дополнение) члены предложения. Эту традицию переняли и исследователи языков эргативного строя, в том числе и дагестанских, однако для эргативных языков характерны иные конструкции предложения, чем для номинативных языков, и иные синтаксические корреляции, что значительно усложняет выделение именных членов предложения.

Предложение занимает особое место в синтаксическом строе языка в силу своей особой роли в процессе языкового общения. Характерной особенностью синтаксического строя дагестанских языков является одновременное функционирование нескольких структур предложения. Здесь два главных члена предложения (подлежащее и сказуемое) представлены только в номинативной структуре предложения. В остальных конструкциях (эргативной, дативной, локативной, аффективной) традиционно выделяют три главных члена предложения: два именных члена (подлежащее и прямое дополнение) и сказуемое. Вариативность использования дативной, локативной и эргативной конструкций имеет место во всех дагестанских языках [Абдуллаев 1986: 248–250]. Глаголы одинаковой семантики в разных языках или в разных диалектах одного языка могут образовать различные конструкции. Так, З. М. Магомедбекова выделяет в цегобском говоре южного диалекта ахвахского языка группу глаголов — «знать», «видеть», «слышать», — которые требуют RS (реальный субъект) в эргативном падеже, т. е. образуют эргативную конструкцию предложения, «в то время как в андийских языках (в том числе в северном диалекте ахвахского языка), а также в аварском языке при этих глаголах эргативный падеж не употребляется» [Магомедбекова 1977: 248]. В аварском языке, например, при глаголах восприятия типа «знать», «видеть», «слышать» употребляется один из локативных падежей — суперэссив, например:

Дида	*цебего*	*рагIана*	*гьеб*		*хабар.*
я-ЛОК	давно	слышать	АОР гр. кл.	это 3	новость-НОМ

‘Я давно слышал эту новость’

В дагестанских языках, принадлежащих к языкам эргативной типологии, подлежащие в зависимости от типа синтаксических конструкций предложения представлены разными логическими категориями. По этой причине, как нам представляется, подлежащее в разных синтаксических конструкциях оформляется разными падежами. Для обоснования данного тезиса следует определиться, на основании каких критериев выделяются члены предложения вообще и подлежащее в частности.

Как известно, существуют определенные логические требования, предъявляемые к любой научной классификации: первое и главное требование заключается в том, что при распределении предметов или понятий на отдельные классы должен учитываться один и тот же признак или совокупность одних и тех же признаков. Примечательно, что при классификации грамматических отношений этот принцип нарушается. При выделении главных членов предложения предпочтительными оказываются формаль-

ные признаки, а при выделении второстепенных — содержательные.

До недавних пор считалось, что категории субъекта и объекта (подлежащего и дополнения) относятся к универсальным лингвистическим категориям, представленным во всех языках мира. Впрочем, универсальность данных категорий вовсе не предполагает их однозначной трактовки. Наиболее популярна традиция отождествления субъекта и подлежащего, т. е. имеет место совмещение разных понятий: логического (субъект) и грамматического (подлежащее) [Маллаева, Адухова 2008: 110]. О попытках соединения разноуровневых понятий свидетельствуют довольно распространенные в последнее время термины: «грамматический субъект» и «грамматический объект». Термины, на наш взгляд, не совсем удачные, поскольку представляют собой сочетание разноуровневых категорий: субъект и объект — это категории формальной логики; грамматические же отношения выражаются понятиями «подлежащее» и «дополнение». Очевидно, поэтому данными терминами называются единицы разных уровней языкового анализа. Так, термином «грамматический субъект» называется в одних случаях подлежащее, в других случаях — активный деятель.

В этой связи есть смысл обратиться к опыту универсального определения подлежащего, предложенного Эдвардом Кинэном, который обосновывает неразрешимость проблемы единого определения подлежащего для всех языков и даже для всех типов предложений одного и того же языка. В каждом конкретном языке и даже в разных предложениях одного языка нет функционально эквивалентных подлежащих. Синтаксические свойства подлежащего, обязательные в одних языках, могут быть факультативны для других. Поэтому предлагается шкала подлежащеподобности [Кинэн 1982: 252]. Суть данного подхода заключается в том, что Э. Кинэн использует для определения подлежащего многофакторный подход на основе выделения всех свойств подлежащих, которые обнаруживаются у них в базисных предложениях. Шкала подлежащеподобности складывается из этих свойств. Именные члены предложения, которые обладают всеми потенциальными свойствами подлежащих, максимально приближаются к идеальному подлежащему. И наоборот: именные члены предложения, которые располагают минимальными свойствами подлежащих или вовсе не имеют их, максимально далеки от идеального подлежащего.

Э. Кинэн не дает конкретного определения подлежащего, поскольку подлежащее как языковая единица не универсальна; универсальными он считает инвентарь свойств подлежащих и способы их потенциального комбинирования друг с другом [Keenan 1975].

Невозможно дать универсальное определение подлежащего, поскольку подлежащее не тождественно самому себе в разных типах конструкций предложения. В эргативных языках подлежащее как многофакторное понятие впервые рассматривает Гуго Шухардт, выделив три обязательных компонента, из которых складывается грамматическое выражение субъекта:

1) звуковая форма: «именит.» — «эргат.»;

2) местоположение: перед глаголом — после него;

3) повышение голоса: сильное — слабое [Schuchardt 1895: 11–15].

Традиционная точка зрения, рассматривающая подлежащее как универсальное явление для всех типов предложений и для всех языков, в последнее время подвергается пересмотру. Различие во взглядах на подлежащее А. Е. Кибрик сводит к «презумпциям», лежащим в основе этих взглядов. Перлмуттер — Постал — Джонсон исходят из того, что подлежащее и другие синтаксические отношения суть синтаксические примитивы и исследоваться должны не они, а связанные с ними процессы. У. Чейф полагает, что подлежащее — это единая и универсальная категория, которой может быть дано единое определение. Наконец, большинство других исследователей (Филлмор, Кинэн, Шахтер, Ван Валин и др.) рассматривают подлежащее как вторичную сущность, определяемую в терминах некоторых других более элементарных свойств или отношений. Подводя итог попыткам объяснения природы подлежащего, можно констатировать, что «единая теория с единой терминологией на сегодняшний день еще не выработана, и что создание такой теории является задачей будущего» [Кибрик 2017].

Как верно указывает Э. У. Омакаева, «одним из наиболее заметных достижений лингвистики конца XX и начала XXI в., несомненно, является значительный прогресс

синтаксиса и лексикологии, характеризующийся ощутимым расширением круга исследуемых проблем, новой постановкой задач и усовершенствованием методов исследования» [Омакаева 2011: 123].

Серьезные основания считать, что понятие подлежащего не является универсальным, находит и Я. Г. Тестелец: «Типологические данные заставляют усомниться в том, что подлежащее — универсальная категория» [Тестелец 2001: 317].

Для выделения именного члена предложения в качестве подлежащего У. Чейф использует аргументы трех языковых уровней: синтаксического, содержательного и прагматического. Из них приоритетными он считает синтаксические аргументы, поскольку они «легче поддаются классификации и вызывают меньше споров» [Чейф 2003: 280]. Главный синтаксический аргумент, по которому определяется в индоевропейских языках статус подлежащего, — это глагольное согласование. Этот признак не приемлем для большинства дагестанских языков, поскольку здесь глагольное согласование зависит от падежной формы имени, а не от статуса члена предложения [Маллаева 2002: 94]. Получается, что одна из формул традиционно установившихся канонических определений подлежащего как члена предложения, с которым согласуется сказуемое, оказалась неприемлемой для реалий дагестанских языков.

Другое каноническое определение подлежащего по синтаксическому признаку: подлежащее — это форма именительного падежа субъекта. Это определение также не приемлемо для преобладающего большинства дагестанских языков, так как падежная форма подлежащего в дагестанских языках варьирует в зависимости от семантики глагола-сказуемого. Это может быть номинатив при фактитивных глаголах, эргатив — при агентивных глаголах, датив — при глаголах чувственного восприятия, локатив или аффектив — при глаголах внешнего восприятия и т. д.

В качестве общего и для номинативных, и для эргативных языков синтаксического признака, идентифицирующего подлежащее, может быть назван словопорядок, а именно: крайняя слева позиция в предложении. В отдельных конструкциях предложения именно порядок слов служит единственным критерием, позволяющим выделить подлежащее. Большое значение порядку слов придавал С. Д. Кацнельсон: «Подлежащее для нас — синтаксическая функция, немыслимая вне языковой формы. Но формой подлежащего может быть не только падеж, но и место в предложении. В беспадежных языках словопорядок — основная форма обнаружения основных позиционных функций именных членов предложения. Роль порядка слов в этом деле столь велика, что в некоторых конструкциях порядок слов выступает как более существенный способ выделения субъекта, чем форма именительного падежа» [Кацнельсон 1972: 63–64].

В дагестанских языках порядок слов в предложении сравнительно свободный. Обычный порядок слов: субъект — объект — предикат (S–O–V). Изменение такого порядка слов возможно: как правило, оно связано с логическим ударением и применяется для изменения смысловых оттенков сообщения. Строгий порядок слов обязателен, как и во всех языках эргативной типологии, лишь в одной из многочисленных конструкций предложений, а именно — биабсолютивной (по другой терминологии — индефинитной или эргативоидной). В данной конструкции предложения субъектно-объектные имена характеризуются падежной идентичностью, и только словопорядок позволяет дифференцировать подлежащее и прямое дополнение, поскольку подлежащее неизменно расположено в начале конструкции, а дополнение следует за ним и расположено в середине между подлежащим и сказуемым [Нурмагомедова 2007: 17]. Структура S–O–V, характерная для данной конструкции, не допускает изменения словопорядка, так как оно приведет к изменению подлежащего предложения, например, в аварском языке:

Эмен	*вас*	*вецулев вуго*
Отец-НОМ	сын -НОМ	хвалящий есть
‘Отец сына хвалит’.		
Вас	*эмен*	*вецулев вуго*
Сын -НОМ	отец -НОМ	хвалящий есть
‘Сын отца хвалит’		
Дун	*дов*	*какулев вуго*
Я-НОМ	он-НОМ	ругающий есть
‘Я его ругаю’		
Дов	*дун*	*какулев вуго*
Он-НОМ	я-НОМ	ругающий есть
‘Он меня ругает’		

Если же анализируемая индефинитная конструкция представляет собой сочетание одушевленного лица и неодушевленного предмета, то изменение словопорядка (перемещение субъекта и объекта) приводит к разрушению конструкции, например:

Эмен	*тIехь*	*цIцIалулев вуго*
Отец -НОМ	книга -НОМ	читающий есть
‘Отец книгу читает’		
Но нельзя сказать:		
ТIехь	*эмен*	*цIцIалулеб буго*
Книга -НОМ	отец –НОМ	читающий есть
‘Книга отца читает’		
Вас	*лъльим*	*гьекъолев вуго*
Мальчик -НОМ	вода -НОМ	пьющий есть
‘Мальчик воду пьет’		
Но нельзя сказать:		
Лълъим	*вас*	*гьекъолеб буго*
Вода-НОМ	мальчик -НОМ	пьющий есть
‘Вода мальчика пьет’		

Здесь логические категории обнаруживают полный изоморфизм с грамматическими категориями. В. Шмидт допускает закономерность того, что определенные отношения действительности, отражаемые нашим сознанием, регулярно передаются совершенно определенными типами предложения. Тем не менее, В. Шмидт не соглашается «с отождествлением понятийных структур (Denkstrukturen) и структуры предложения (Satzstruktur), так как это противоречило бы нашему основному пониманию отношения языка и мышления как двух неразрывно связанных, но, тем не менее, различных общественных явлений, каждое из которых имеет свою специфику» [Schmidt 1965: 294].

Индефинитная конструкция представлена не во всех эргативных языках Дагестана. В лакском, лезгинском, табасаранском, агульском, во всех бесписьменных андийских языках данная конструкция не представлена. В даргинском языке она встречается в мекегинском и хайдакском диалектах. Например, в мекегинском:

Ну	*хъу*	*балцулера*
Я-НОМ	поле -НОМ	вспахивая есмь
‘Я поле пашу’		

В самом даргинском языке данная конструкция встречается крайне редко, например:

Дудеш	*жуз*	*бучIули сай*
Отец-НОМ	книга-НОМ	читая есть
‘Отец книгу читает’		

Причину того, что эргативоидная конструкция в даргинском языке встречается очень редко и по этой причине носит несколько искусственный характер, З. Г. Абдуллаев видит в том, что данная конструкция «идет к своему исчезновению. В качестве ее замены в языке получает развитие конструкция типа *Дудешли жуз бучIули сай.* Этот процесс еще не завершен, поэтому на современной стадии развития синтаксической структуры языка эти конструкции сосуществуют и образуют корреляцию» [Абдуллаев 1986: 235].

В языках номинативного строя также представлены конструкции предложения, в которых субъектно-объектные имена характеризуются падежной идентичностью. В таких предложениях подлежащее и прямое дополнение можно дифференцировать также только посредством словопорядка. Например,

в русском языке	в немецком языке	в английском языке
Дочь хвалит мать	*Die Mutter lobt die Tochter*	*The mother praises the daughter*
Мать хвалит дочь	*Die Tochter lobt die Mutter*	*The daughter praises the mother*

Особая значимость порядка слов для данной конструкции обусловлена, прежде всего, отсутствием падежной дифференцированности субъектно-объектных имен. Нарушение этого словопорядка приводит к изменению субъекта = подлежащего, т. е. меняется не только смысл высказывания, но и грамматическая характеристика предложения [Маллаева, Адухова 2008а: 83]. Если для синтаксического строя английского языка такая конструкция является характерной ввиду отсутствия падежного словоизменения, в русском и немецком языках они носят ограниченный характер и возможны только в тех случаях, когда формы номинатива и аккузатива совпадают.

Вопрос роли словопорядка для формирования информационной структуры предложения актуален не только для индоевропеистики и кавказоведения, но и для монголоведения. Об этом свидетельствует тот факт, что преобладающее большинство как

отечественных, так и зарубежных монголоведов, как отмечает А. В. Мазарчук, уделяют большое внимание роли порядка слов и специальных частиц в формировании информационной структуры монгольского предложения [Мазарчук 2016: 106–115].

В языках с «твердым» порядком слов существует масса исключений, допускающих в тех или иных позициях произвольный словопорядок. Об условности такого деления писал еще Р. А. Будагов: «Как в языках с „твердым“ порядком слов допустимы многочисленные „свободные“ сочетания слов, так и в языках со „свободным“ порядком слов очень высока роль „твердого“ расположения не только в отдельных словосочетаниях, но и в определенных типах предложений» [Будагов 1958: 174].

В принципе разделение языков на языки с так называемыми «твердым» и «свободным» порядком слов весьма относительно.

Более детальный анализ различных подходов в вопросе определения статуса именных членов предложения — одного из активно дискутируемых и актуальных вопросов современного дагестановедения — имеет большое значение как для синтаксиса дагестанских языков, так и для общей теории языка, как для внутригенетической типологии эргативных языков, так и для лингвистической типологии в целом. Перспективность предложенных в работе решений и подходов видится в том, что они позволят преодолеть разнобой в выделении главных членов предложения в различных синтаксических конструкциях в дагестанских языках. Э. У. Омакаева указывает на важность исследования различных моделей предложения «…не только с теоретической точки зрения, но и в сугубо прикладных целях — с точки зрения лингводидактики (методики преподавания синтаксиса), изучения картины мира данного этноязыкового сообщества, концентрированным выражением которой является конкретный язык как система содержательно интерпретированных лексических и грамматических оппозиций» [Омакаева 2011: 125].

Неоднозначность трактовки и отсутствие четких критериев выделения именных членов предложения в дагестанских языках создает проблемы не только в исследовании синтаксического строя дагестанских языков, но и в их преподавании в школах и вузах республики.

Сокращения

ЛОК — локатив; АОР — аорист; НОМ — номинатив; RS — реальный субъект

Литература

Абдуллаев З. Г. Проблемы эргативности даргинского языка. М.: Наука, 1986. 375 с.

Будагов Р. А. Этюды по синтаксису румынского языка. М.: Наука, 1958. 234 с.

Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 213 с.

Кибрик А. Е. Проблема синтаксических отношений в универсальной грамматике [электронный ресурс] // URL: http://nashaucheba.ru/ (дата обращения: 25.02.2017).

Кинэн Э. К универсальному определению подлежащего // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982. С. 236–276.

Магомедбекова З. М. О некоторых синтаксических особенностях глаголов чувственного восприятия в аваро-андийских языках // Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков. Нальчик, 1977. С. 247–249.

Мазарчук А. В. История изучения информационной структуры предложения в современном монгольском языке // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 2. С. 106–115.

Маллаева З. М. К вопросу о соотношении логических и грамматических категорий в эргативных языках // Молодежь и наука Дагестана: мат-лы Регион. науч.-практ. конф. Махачкала, 2002. С. 93–95.

Маллаева З. М., Адухова Э. З. Соответствие между логическими и грамматическим категориями в синтаксической структуре дагестанских языков // Дагестан и Северный Кавказ в свете этнокультурного взаимодействия Евразии: мат-лы конф., посвящ. 80-летию ИЯЛИ ДНЦ РАН . Махачкала, 2008. С. 104–114.

Маллаева З. М., Адухова Э. З. Многообразие синтаксических структур в дагестанских языках // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2008а. № 30. С. 81–86.

Нурмагомедова Э. М. Синтаксическая характеристика глагола аварского языка: автореф. дис. … канд. филол. наук. Махачкала, 2007. 26 с.

Омакаева Э. У. Глагол как доминанта в свете модельного описания предложения-высказывания в монгольских языках (проблемы классификации) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 123–131.

Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: Изд-во РГГУ, 2001. 798 с.

Чейф У. Л. Значение и структура языка / пер. с англ. Изд. 2-е. М.: изд-во «URSS», 2003. 427 с.

Keenan E. L. Variation in universal grammar // Analyzing variation in language. Eds. R. Fasold, R. Shuy Washington, DC: Georgetown University Press, 1975. P. 136–148.

Schmidt W. Grundlagen der deutschen Grammatik. Berlin: Volk und Wissen, 1965. 323 s.

Schuchardt H. Über den passiver Charakter des Transitives in den kaukasischen Sprachen // Sitzungsbericht der kaiserlicher Akademie der Wissenschaft. Bund 133, Wien, 1895. S. 1–91.

References

Abdullaev Z. G. *Problemy ergativnosti darginskogo yazyka* [The Dargin language: issues of ergativity]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 375 p. (In Russ.).

Budagov R. A. *Etyudy po sintaksisu rumynskogo yazyka* [Sketches of Rumanian syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1958, 234 p. (In Russ.).

Chafe W. L. *Znachenie i struktura yazyka / per. s angl. Izd. 2-oe* [Meaning and the structure of language. Transl. from English. 2nd ed.]. Moscow, URSS Publ., 2003, 427 p. (In Russ.).

Katsnelson S. D. *Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie* [Typology of language and verbal thinking]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, 213 p. (In Russ.).

Keenan E. L. Variation in universal grammar // Analyzing variation in language. Eds. R. Fasold, R. Shuy Washington, DC, Georgetown University Press, 1975, pp. 136–148 (In Eng.).

Kibrik A. E. *Problema sintaksicheskikh otnosheniy v universal'noy grammatike* [The problem of syntactic relations in universal grammar]. Available at: http://nashaucheba.ru/ (accessed: 25 February 2017) (In Russ.).

Keenan E. *K universal'nomu opredeleniyu podlezhashchego* [Universal definition of subject revisited]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* (The Latest Achievements of Foreign Linguistics), iss. XI, Moscow, 1982, pp. 236–276 (In Russ.).

Magomedbekova Z. M. *O nekotorykh sintaksicheskikh osobennostyakh glagolov chuvstvennogo vospriyatiya v avaro-andiyskikh yazykakh* [On some syntactic peculiarities of sense perception denoting verbs in the Avar-Andic languages]. *Voprosy sintaksicheskogo stroya iberiysko-kavkazskikh yazykov* [Iberian-Caucasian languages: issues of syntactic structure]. Nalchik, 1977, pp. 247–249 (In Russ.).

Mallaeva Z. M. *K voprosu o sootnoshenii logicheskikh i grammaticheskikh kategoriy v ergativnykh yazykakh* [Revisiting the correlation between logical and grammatical categories in ergative languages]. *Mat-ly Region. nauch.-praktich. konf. «Molodezh' i nauka Dagestana»* [Youth and Science of Dagestan: proc. of the regional research and practice conf.]. Makhachkala, 2002, pp. 93–95 (In Russ.).

Mallaeva Z. M., Adukhova E. Z. *Mnogoobrazie sintaksicheskikh struktur v dagestanskikh yazykakh* [The diverse syntactic structures of Dagestani languages]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN* (Herald of Daghestan Scientific Center), No. 30, Makhachkala, 2008a, pp. 81–86 (In Russ.).

Mallaeva Z. M., Adukhova E. Z. *Sootvetstvie mezhdu logicheskimi i grammaticheskim kategoriyami v sintaksicheskoy strukture dagestanskikh yazykov* [The correlation between logical and grammatical categories within the syntactic structure of Dagestani languages]. *Mat-ly konf., posvyashch. 80-letiyu IYaLI DNTs RAN «Dagestan i Severnyy Kavkaz v svete etnokul'turnogo vzaimodeystviya Evrazii»* [Dagestan and the North Caucasus in the Context of Eurasian Ethnocultural Cooperation: proc. of the conf. celebrating the 80th anniversary of the Institute of History, Lamguage and Literature]. Makhachkala, 2008, pp. 104–114 (In Russ.).

Mazarchuk A. V. *Istoriya izucheniya informatsionnoy struktury predlozheniya v sovremennom mongol'skom yazyke* [The history of sentence information structure studies in the modern Mongolian language]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS), No. 2, 2016, pp. 106–115 (In Russ.).

Nurmagomedova E. M. *Sintaksicheskaya kharakteristika glagola avarskogo yazyka: Avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk* [The Avar language: syntactic characteristics of the verb. A Ph.D. thesis abstract]. Makhachkala, 2007, 26 p. (In Russ.).

Omakaeva E. U. *Glagol kak dominanta v svete model'nogo opisaniya predlozheniya-vyskazyvaniya v mongol'skikh yazykakh (problemy klassifikatsii)* [The verb as a dominant element in the context of model description of statement-sentences in Mongolic languages (classification problems)]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS), No. 1, 2011, pp. 123–131 (In Russ.).

Testelets Ya. G. *Vvedenie v obshchiy sintaksis* [An introduction to general syntax]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2001, 798 p. (In Russ.).

УДК 811. 351

РОЛЬ ПОРЯДКА СЛОВ ДЛЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПОДЛЕЖАЩЕГО В ЭРГАТИВНЫХ ЯЗЫКАХ ДАГЕСТАНА

Зулайхат Магомедовна Маллаева[1], Маржанат Нурмагомедовна Кураева [2],
Рашидат Шахрудиновна Халидова [3]

[1] доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт языка, литературы и искусств им. Г. Цадасы, Дагестанский научный центр Российской академии наук (Махачкала, Российская Федерация). E-mail: logika55@mail.ru

[2] кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный университет (Махачкала, Российская Федерация). E-mail: mkuraeva@mail.ru

[3] доктор филологических наук, профессор, Дагестанский государственный педагогический университет (Махачкала, Российская Федерация). E-mail: rashi-dr@mail.ru

Аннотация. Дагестанские языки относятся к языкам эргативного строя. На синтаксическом уровне исследуемых языков это проявляется в том, что в них одновременно функционируют несколько (от четырех до шести — в зависимости от конкретного языка) синтаксических структур предложения. Количество главных членов предложения в различных синтаксических структурах не совпадает. В номинативной конструкции предложения, как и во всех номинативных языках, представлены два главных члена предложения: один именной — подлежащее — и один предикативный — сказуемое. Во всех остальных синтаксических конструкциях (эргативной, дативной, генитивной, локативной, аффективной) традиционно выделяют три главных члена предложения — один предикативный (сказуемое) и два именных (подлежащее и прямое дополнение). В статье предпринимается попытка установить приемлемые для эргативных языков Дагестана принципы определения одного из главных членов предложения — подлежащего. Поскольку подлежащее как единица синтаксического уровня характеризуется определенными отношениями с другими членами предложения, то в качестве первого идентифицирующего признака подлежащего предлагается словопорядок, а именно — крайняя слева позиция в предложении.

Определение статуса именных членов предложения — один из активно дискутируемых и актуальных вопросов современного дагестановедения. Неоднозначность трактовки и отсутствие четких критериев выделения именных членов предложения в дагестанских языках создает проблемы не только в исследовании синтаксического строя дагестанских языков, но и в их преподавании в школах и вузах республики.

Ключевые слова: структура предложения, порядок слов, эргативные языки, номинативные языки.